

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.17223/19988613/77/16

О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе»

Михаил Сергеевич Путилин

Томский государственный университет, Томск, Россия, mish.put.1997@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены основные вопросы историографии по теме изучения комплекса народных социально-утопических легенд XVIII–XIX вв. о «возвращающемся избавителе» в целом и сюжета о царе-старце Александре I под именем старца Фёдора Кузьмича в частности. Анализируются работы исследователей, посвященные народным социально-утопическим легендам, и намеченные в них перспективы дальнейшего изучения темы. Предпринята попытка предложить собственную гипотезу о перспективном направлении для дальнейшего изучения этой темы с опорой на сложившуюся историографию.

Ключевые слова: народные представления, социально-утопические легенды, история ментальностей, историография, методология истории

Для цитирования: Путилин М.С. О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 133–140. doi: 10.17223/19988613/77/16

Original article

The prospects for studying the legends of the “returning savior”

Mikhail S. Putilin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mish.put.1997@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is due to the need to develop a new strategy to continue scientific research on the issue of socio-utopian legends. The work is written on the material of theoretical studies devoted to folk ideas of the 18th-19th centuries.

The purpose of this article is to formulate a working hypothesis about a promising direction for studying the complex of socio-utopian legends about the "returning savior" based on the gaps in the studies outlined by the historiography of the issue. In order to achieve this goal, it is essential to identify the trends and necessary aspects of further study of the topic based on the analysis of previous scientific works.

The first researcher who mentioned socio-utopian legends was V. Ya. Propp, who described a scheme for studying legends and fairy tales in his work "Morphology of the tale". V. V. Chistov, in his work entirely devoted to social and utopian legends, created a classification of legends and made a rough diagram of legends at the stage of development of this type of plot. According to the scholar, the hero of such a legend is not necessarily an impostor. The role of the religious messiah is no less characteristic. The applicability of the schemes outlined by V. Ya. Propp and K. V. Chistov to the research of specific socio-utopian legends about the "returning savior" has been convincingly proved by the studies of A. S. Mylnikov.

The legend of the Staret Tsar attracts attention of many researchers. American researcher Barry Stone included this legend in the section on monarchs who retired from power. In his article "The typology of folklore texts about the Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte" N. N. Ivanov compared this legend with other folklore plots, but could not, on the basis of this, attribute it to a certain type. E. B. Gaidukova considered the history of this legend in literature from the position of philology. All authors have agreed on the assessment of the legend of the Staret Tsar as a unique phenomenon in Russian history and culture.

Thus, further studies of the legend of the Staret Tsar should be considered in the context of typologically similar folklore plots of the 18th-19th centuries. It seems that these are socio-utopian and religious legends about the “returning savior”.

According to our concept, the legend about Fyodor Kuzmich is a kind of a legend about the "returning savior". It has many features similar to this type of legend: the hero is a ruler deprived of power or an unrecognized messiah hiding in a distant outback. There are also a lot of differences: the hero does not return to power but helps those around him with his advice and healing. It is possible that the story about the Staret Tsar-Alexander I under the name of Fyodor Kuzmich was formed under the influence of legends about the “returning savior”, but then acquired originality, having received its own unique meaning in the system of folk mentality.

Keywords: folk ideas, socio-utopian legends, history of mentalities, historiography, history methodology

For citation: Putilin, M.S. (2022) The prospects for studying the legends of the “returning savior”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 133–140. doi: 10.17223/19988613/77/16

Изучение народных представлений о лишенном власти и скрывающемся среди народа «избавителе» в лице «истинного царя», законного наследника или мессианской фигуры пророка в XVIII–XIX вв. имеет обширную традицию в отечественной историографии. В связи с этим появилась потребность систематизировать данные исследования. Это позволит не только упорядочить имеющиеся научные наработки по данной тематике, но и обозначить те области, которые нуждаются в дополнительном изучении. Актуальность темы статьи связана с необходимостью выявить современное состояние историографии по вопросу социально-утопических легенд в народных представлениях XVIII–XIX вв. и наметить дальнейшие перспективные направления развития истории в данной области. Современные методологические концепции исторической науки позволяют по-новому интерпретировать это явление народной ментальности XVIII–XIX вв., затрагивая недостаточно изученные советскими исследователями примеры монархических и религиозных легенд об «избавителе», и определить их место в типологическом ряду народных социально-утопических легенд. В связи с этим важно обратиться к историографии вопроса. Таким образом, обращение к работам по теме легенд о «возвращающемся избавителе» для рассмотрения данных источников с новых методологических позиций и обоснованного классифицирования их роли и места среди других видов выражения народных социально-утопических представлений в настоящее время представляется актуальным.

Цель данной статьи – предложить собственную рабочую гипотезу о перспективном направлении изучения комплекса социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» с опорой на лакуны в исследованиях, намеченные историографией вопроса. Для достижения этой цели важно выявить тенденции и необходимые аспекты дальнейшего изучения темы на основе анализа предшествующих научных работ.

Для характеристики историографии вопроса о народных социально-утопических легендах и их месте в народных представлениях нам следует рассмотреть несколько тематических блоков исследований. К первому относятся теоретические исследования, посвященные народным представлениям XVIII–XIX вв. и месту религиозных и социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» в этих представлениях. Исследования по этой теме важны для понимания сложившихся в отечественной историографии теоретических основ изучения темы, а также для выработки собственной научной концепции, органично развивающей предшествующие теоретические схемы.

Первая в отечественной исторической науке схема изучения сюжетов легенд и сказок была предложена В.Я. Проппом в работе «Морфология “волшебной” сказки», написанной в 1928 г. и выдержавшей неоднократные переиздания позднее [1]. Но первое значимое исследование, целиком посвященное легендам о «возвращающемся избавителе», провел К.В. Чистов в работе о социально-утопических легендах [2]. Исследователь объединил легенды, которыми пользовались различные самозванцы, в комплекс легенд о «возвращающемся избавителе» [Там же. С. 24]. В их основе,

с незначительными вариантами, лежит составленная ученым схема: «избавитель» намерен провести социальные реформы – его отстраняют от власти – он чудесным образом спасается – «избавитель» странствует или оказывается в заточении – следуют встречи с неузнанным «избавителем» или вести от него – правящий «ложный» царь пытается ему помешать – «избавитель» возвращается – его узнают – в будущем он воцаряется (подробно об этой схеме см.: [Там же. С. 30–32]). При этом, в соответствии с господствовавшей в советской историографии классовой теорией, К.В. Чистов почти не рассматривает те легенды и случаи самозванства, которые не оказали значительного влияния на социально-политические движения крестьянства и других низших социальных групп. По этой причине исследователь не рассматривает легенду о святом старце Фёдоре Кузьмиче, в большинстве вариантов признаваемом скрывающимся императором Александром I.

Тем не менее именно К.В. Чистов наметил многие ключевые моменты для дальнейшего изучения социально-утопических легенд. В самом начале работы автором сделано важное замечание о неоднородности легенд о «возвращающихся избавителях» и их классификации: «...уже можно говорить о двух основных типах: религиозно-мессианских легендах о “спасителях” и легендах социально-политического характера о “возвращающихся царях (царевичах) – избавителях”» [Там же. С. 24]. Посвятив исследование преимущественно второму типу социально-утопических легенд, К.В. Чистов отметил, что легенды о «возвращающихся избавителях» являются самой сложной из разновидностей социально-утопического фольклора: «...социально-утопический идеал еще не воплощен в действительность, однако сила, которой предназначено реализовать это воплощение, – “избавитель” – уже существует» [Там же. С. 16]. В связи с этим автор констатировал необходимость исследования комплекса данных легенд в будущем.

В чем же состоит сложность данного типа легенд? Возможно, легенды о «возвращающихся избавителях», в отличие от других видов социально-утопических легенд, осложнены тем, что основаны на рассказах о реально существовавших людях. Следовательно, это не совсем легенды, а образы реально существовавших людей, «обросшие» вымышленными подробностями и превратившиеся в легенду. Они начинают создаваться еще при жизни данных личностей, т.е. описывается действие в реальных времени и месте. Но если легенды о «возвращающихся избавителях», укладывающиеся в схему Чистова, еще можно объяснить желанием народа «получить лучшую жизнь в реальное время, скоро и именно здесь, а не в сказочном Беловодье, то популярность легенд о «спасителях» объяснить сложнее. Возможно, их продуцирует желание людей вернуть «золотое» время, когда боги и герои ходили среди людей и часто общались с самыми простыми из народа. Эти «спасители» ведь не обещают изменить жизнь «здесь и сейчас», но являют собой доказательство общения с высшими силами.

Кроме того, согласно наблюдениям исследователя, легенда о «возвращающемся избавителе» может существовать и без каких-либо самозванцев, открыто апеллирующих к ней в своих воззваниях. Примером этого является легенда о Константине Павловиче, сформировавшаяся в 1826 г. и оказавшая влияние на крестьянские выступления в 1831–1834 гг. Исследователь отметил среди ее особенностей скорость формирования и большое количество дополняющих ее подробностями слухов [2. С. 199]. Автор написал о некоторых параллелях этой легенды с зарождавшимися в то же время слухами о царе-старце Александре I в Сибири, но более конкретно не притронулся к этой теме. Таким образом, по результатам рассмотрения работ 1920–1970-х гг. легенды о «спасителях», не желающих вернуться к власти, являются перспективным материалом для научного исследования.

Применимость схем, намеченных В.Я. Проппом и К.В. Чистовым для исследования конкретных социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» убедительно доказана работой А.С. Мыльниковой «Легенда о русском принце» [3]. Исследователь подробно проанализировал все основные варианты легенды о «возвращающемся избавителе» в лице Петра III, бытовавшей в XVIII в. Помимо этого, он раскрыл причины зарождения и распространения этой легенды в форме слухов, а также причины ее устойчивости в народных представлениях. В более поздней работе «Искушение чудом» [4] А.С. Мыльников расширил источниковую базу и углубил анализ, что позволило подтвердить на новом уровне выводы предшествующей работы.

Исследователи более позднего периода также обращались к теме народных легенд о «возвращающемся избавителе», прежде всего в связи с прецедентами самозванства в отечественной истории. О.Г. Усенко в своей работе «Самозванчество в России: норма или патология?» [5] определил, что народные легенды о «возвращающемся избавителе», имевшие распространение в сознании массовых социальных групп России со времен Смуты до середины XIX в., формировали определенное представление о фигуре «избавителя». Это представление задавало жесткие «правила игры», которым, по мнению исследователя, пытались соответствовать как известные самозванцы, оказавшие влияние на историю страны, так и менее известные деятели, выдававшие себя за изгнанного законного царя или мессию [5. № 1. С. 57]. На основе анализа свидетельств о деятельности самозванцев в источниках автор сделал вывод о том, что отступление от этих «правил игры» в народном сознании сразу же обнуляло легитимность такого «избавителя», делая его очевидным самозванцем.

Автор сделал важный вывод об отсутствии видимой границы между самозванчеством правителя и религиозного «мессии», или пророка, в рамках легенд о «возвращающемся избавителе». В качестве примера приведена история скопческого «Христа» Кондратия Селиванова, который был для сектантов одновременно Мессией и «государем Петром Фёдоровичем» [5. № 2. С. 70].

В более поздних статьях О.Г. Усенко сделал несколько важных для нашего исследования выводов.

Так, в статье «Об отношении народных масс к царю» он указал на ошибочность отождествления социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе», явлений самозванчества и массовых народных восстаний на примерах из истории XVII в. Наиболее глубоко О.Г. Усенко проанализировал отношение восставших казаков С. Разина к личности правящего монарха. Исследователь пришел к однозначному выводу, что именно слухи о «боярском заговоре» против царя стали поводом для восстания, а не наоборот. А уже после к восставшим казакам пришел самозванец, выдававший себя за «избавителя» в лице царевича Алексея Алексеевича: «По всей видимости, самозванец, чье настоящее имя и происхождение, увы, нам неизвестны, “объявился” повстанцам по собственной инициативе» [6. С. 87]. В этой же статье автор указал, что ошибкой является отождествление взглядов «староверов» с мировоззрением широких народных масс [Там же. С. 76], в связи с чем можно говорить о том, что среди старообрядческих общин могли получить распространение собственные легенды о «возвращающемся избавителе», почти не оказавшие влияния на общественное сознание в целом.

В статье «Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг.» О.Г. Усенко рассмотрел отечественную и зарубежную историографию по тематике монархического самозванчества [7]. Исследователь констатировал факт нехватки обобщающих работ об этом явлении, поскольку на протяжении дореволюционного и советского периодов истории народных движений занимались прежде всего накоплением фактического материала [Там же. С. 293], систематизацией же этого материала пытались заниматься лишь отдельные немногочисленные исследователи. Помимо этого, автор отметил, что наличествующие в историографии концепции могут быть пересмотрены в связи с вводом в оборот новых источников или расширением хронологических рамок исследований.

Наконец, в одной из последних статей по тематике монархического самозванчества О.Г. Усенко привел пример скопческого «государя Петра Фёдоровича» Кондратия Селиванова и его мифической «матери Богородицы» Акулины Ивановой [8. С. 114] как образец социально-утопической легенды, не оказавшей влияния на общество за пределами старообрядческой секты.

И.Л. Андреев в статье «Анатомия самозванства» полнее раскрыл роль народных представлений о власти в истории путем анализа различных эпизодов самозванства XVIII в. [9]. В более позднем очерке «Искушение властью» исследователь подробнее остановился на народных представлениях о власти, роли правителя и его «мессианском» предназначении, однако не затронул тему соотношения этих представлений с социально-утопическими легендами о «возвращающемся избавителе» [10].

Одной из последних фундаментальных работ по теме места самозванчества в народных представлениях XVIII–XIX вв. является монография Ю.А. Обуховой. Исследователь вновь убедительно доказала на примере Е.И. Пугачёва связь монархического и религиозного самозванства в едином контексте легенды о «возвращающемся избавителе».

шающемся избавителе»: «Суггестивный совместный эффект образов сакральной и ментальной географии в сознании окружающих “присваивал” Е. Пугачеву несомненные мессианские черты спасителя» [11. С. 152]. Однако заданные работой хронологические и тематические рамки вновь оставили эту связь нераскрытой.

Помимо этого, исследования в области народных представлений и ментальностей XIX в. проводила Е.А. Мельникова в статье о народной эсхатологии [12]. Но тематические и предметные рамки не позволили исследователю сопоставить народные религиозные представления с какими-либо сюжетами о «возвращающемся избавителе».

Попытку применить новые методологические концепции и междисциплинарный подход к изучению легенд о «возвращающемся избавителе» сделал В.Я. Мауль в работе, посвященной восстанию под предводительством Е.И. Пугачёва в народных представлениях. Автор сделал важное для нашего исследования предположение о том, что в основе любого сюжета об «избавителе» лежат мессианские ожидания, бытовавшие в народных представлениях: «В сгущавшейся атмосфере святотатственной беспросветности народ отчаянно ждал, когда же сверкнет “луч света в темном царстве”, наполненном коллективными фобиями, раздражающей сменой настроений и колебаниями психики масс, легко впадавших в панику» [13. С. 26]. Это означает, что у социально-утопических легенд о «возвращающихся избавителях» и религиозных сюжетах о «спасителях», в сущности, имеется общая основа в виде мессианских ожиданий, которые были частью народных представлений XVII–XIX вв.

Тема народных представлений и социально-утопических легенд была затронута также в работе Е.Е. Дутчак, посвященной сибирским старообрядцам. Анализируя причины отсутствия по-настоящему глубоких исследований учения страннических сект старообрядцев, автор указала, что позитивистский методологический аппарат, которым оперировали отечественные исследователи, «не приспособлен для адекватного отражения всех нюансов апокалиптического видения истории» [14. С. 46]. А так как в социально-утопических легендах о «возвращающемся избавителе», как мы увидим на примерах из историографии, широко представлены как «апокалиптический», так и мессианский элементы народного мировоззрения, мы можем констатировать справедливость данного утверждения по отношению к научным трудам, касающимся и этого типа легенд. Таким образом, еще не было написано фундаментальной исследовательской работы, посвященной религиозным легендам о «возвращающемся избавителе» или «спасителе».

Вторым тематическим блоком научных трудов, которые мы рассмотрим в статье, будет ряд теоретических работ, способных послужить методологическим основанием нового этапа исследования легенд о «возвращающемся избавителе». В связи со спецификой явления социально-утопических легенд XVIII–XIX вв. о «возвращающемся избавителе» очевидно, что мы имеем дело с устойчивым комплексом фольклорных элементов и символов, к которому применим термин

«ментальность», или «народное представление». Для начала исследования по этой теме оптимальным выбором дискурса работы является раздел исторической антропологии под названием «история ментальностей».

Чтобы продолжить анализ перспективного направления для новых исследований по этой теме, следует кратко охарактеризовать данную методологическую концепцию. Она предполагает, что поведение людей «...в значительной мере определяется теми нормами, образцами и ценностями, которые признаны в данном обществе как сами собой разумеющиеся» [15. С. 8]. Эти коллективные представления в разных сферах сегодня объединяются историками термином «ментальность». Таким образом, концепция «истории ментальностей» предполагает изучение коллективных представлений исторических социальных групп на основе материала источников. Целью этих исследований является выявление источников или процессов внутри социальных групп, на основе которых такие «ментальности» были сформированы.

Следует указать, что среди современных исследователей не существует единого мнения о соотношении таких подходов, как история ментальностей и историческая антропология, что заметил М.М. Кром, характеризуя зарождение исторической антропологии в работах школы «Анналов» и ее тесную связь с историей ментальностей [16. С. 41].

В историографии уже имеются примеры успешного применения методологических принципов «истории ментальностей» и «исторической антропологии» к российскому историческому материалу. В качестве наиболее характерного примера следует указать монографию профессора Л. Штайндорфа, посвященную феномену церковного поминовения и обрядам поминальной службы в русской православной культуре [17]. Другим примером может служить статья Б.А. Успенского и В.М. Живова о сакрализации образа монарха в народной культуре [18].

В качестве методов исследования в рамках этой концепции в зависимости от типа доступных источников могут быть привлечены как привычные для исторической науки сравнительный метод, текстологический и контент-анализ, так и более сложные количественные методы, которые используются при работе со статистикой. Другой отличительной чертой «истории ментальностей» является широкое применение междисциплинарного подхода, взаимодействия со смежными с исторической наукой дисциплинами (антропология, социология, лингвистика), а также активное сотрудничество между специальными отраслями внутри самой науки (экономической, социальной и политической историей). Данный подход позволит наиболее полно раскрыть и описать все научно значимые факты исследуемого материала, каким в нашем случае является текст как исторический источник. Следовательно, исследование утопических легенд о «спасителях» в дискурсе «истории ментальностей» представляется наиболее перспективным в плане рассмотрения аспектов вопроса, оставшихся за пределами внимания ученых.

Третий блок представляющих интерес для нашей работы исследований связан непосредственно с изуче-

нием легенды о царе-старце Александре I в трудах отечественных ученых. Ввиду сложного характера легенд из этой группы их исследование логичнее всего начинать с примеров, нашедших отражение во многих исторических источниках еще в период их широкого бытования в народе. В связи с этим для начала изучения религиозных легенд о «возвращающемся избавителе» мы выбрали в качестве объекта исследования легенду о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича как пример одной из самых задокументированных легенд в этой группе, по аналогии с тем, как исследователи монархического самозванства ставили в центр исследования деятельность Е.И. Пугачёва. Сюжет легенды о царе-старце Александре I достаточно полно отражен в ряде источников. Основным источником, в котором описана легенда о царе-старце, были сочинения томского купца С.Ф. Хромова, который довольно продолжительное время знал Фёдора Кузьмича, вел с ним духовные беседы и оказывал старцу посильную помощь. Первую публикацию его записей о старце осуществил в 1892 г. Е.З. Захаров [19], журналист, собравший записи бесед о старце с людьми, знавшими старца при жизни. Материалы были привезены в Санкт-Петербург и опубликованы в типографии Дома призрения малолетних бедных.

В более позднем «Кратком жизнеописании...» [20] С.Ф. Хромов составил полный список сбывшихся позднее предсказаний Фёдора Кузьмича, сотворенных им чудес исцеления, а также слухов о царственном происхождении, связанных с тайной его личности. Это собрание записей С.Ф. Хромова, которые он вел с ноября 1852 г. до июля 1890 г., опубликованное в форме воспоминаний о старце. В соответствии с жанровыми особенностями «Краткого жизнеописания...» его следует классифицировать как мемуарный источник.

Высокую ценность такого типа источников для исследований отметила Л.Е. Бушканец. В статье «Проблема достоверности литературных мемуаров» она утверждает, что через мемуариста преломляются социально-политические, мировоззренческие, литературно-эстетические установки современных, близких ему групп общества [21. С. 21]. Исследователь считает, что нестыковки, ошибки и умолчания, встречающиеся в воспоминаниях, следует рассматривать как факты, свидетельствующие об особенностях авторского взгляда на события. С учетом данной специфики анализ мемуарных источников может выявить как аспекты мировоззрения определенной социальной группы исследуемого периода, так и авторский вариант отношения к описываемым фактам, в связи с чем источники такого типа имеют большую научную ценность.

Помимо записей С.Ф. Хромова, для полноты рассмотрения источников, отразивших сюжет о царе-старце, следует обратиться к документам полицейского расследования об истоках этой легенды [22–24]. Данное расследование проводилось в 1882 г., во время осуществления С.Ф. Хромовым деятельности по популяризации своих записей. Кроме того, при анализе распространенности, оценки и социально-общественной значимости легенды о царе-старце мы обратимся к материалам периодической печати. Местная печать

Томска воспринимала эту легенду весьма скептически: «Несомненно, это был рядовой среди сибирских поселенцев, каких были рассеяны по громадной стране сотни. Все его значение, весь ореол, каким окружили его почитатели, заключался в том, что в старике хотели видеть императора Александра I и так загипнотизировали и себя, и других этой мыслью, что после смерти старца создали настоящий культ его» [25. С. 118].

Представленные в перечисленных источниках версии легенды являются во многих случаях субъективными впечатлениями и частными мнениями авторов об описанной в них личности. Тем не менее их изучение и сопоставление представляет научный интерес, так как позволяет выявить основные общие черты репрезентации сюжета о царе-старце.

Потребность в обращении к историографии вопроса о типологии сюжета о царе-старце задана предметными рамками нашего исследования. Современная историография неохотно берется за изучение народной легенды о царе-старце, окружающей святого Феодора Томского, в миру Фёдора Кузьмича. К сожалению для исследователей, большая часть литературы, посвященной данной теме, носит публицистический или даже тенденциозный характер. Примером последнего является статья В. Мамаева «Легенда о царе Александре Благословенном и старце Фёдоре Кузьмиче», которую автор закончил эмоциональным выводом о невозможности заниматься какими-либо исследованиями по теме сюжета о царе-старце: «Словно ангел опрокидывал пальчиком их построения. И словно тот же ангел стоит на страже тайны кончины императора Александра. Вновь и вновь исследователи оказываются на распутье» [26]. Однако вряд ли с таким выводом можно согласиться, о чем свидетельствует и внимание ученых к данному вопросу.

Интерес к сюжету о царе-старце проявил и иностранный исследователь Барри Стоун. В монографии, посвященной феномену отшельничества и особенностям его проявлений в разных культурах, автор включил легенду об уходе Александра I в старчество в раздел об удалившихся от власти в отшельничество монархах [27. С. 97–98].

Имеются и примеры подъема интереса отечественных исследователей к комплексу социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе». Среди них заслуживает внимание монография И.И. Ломакиной, посвященная монгольским легендам об Амурсане и его возвращении через перерождение [28]. Эта легенда приобрела большое влияние на рубеже XIX–XX вв., позднее ей воспользовались в идеологических целях такие деятели гражданской войны в Монголии, как Джалама и барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг. Безусловно, подобные факты подчеркивают рост научного интереса к этому типу социально-утопических легенд как в России, так и за рубежом. Но сюжет об уходе Александра I в старчество требует определения места не только в типологическом ряду сказаний о православных отшельниках-старцах, но и в ряду легенд о «возвращающемся избавителе», поскольку изначально он распространился в народе в форме слухов, без какого-либо активного участия самого старца Фёдора Кузьмича.

Упоминает этот сюжет и С.В. Привалихина в историко-биографической работе об императрице Екатерине Алексеевне, жене императора Александра I [29]. Свою позицию по вопросу об этом сюжете автор прямо выразила в самом начале исследования, задав риторический вопрос: мог ли император покинуть безнадежно больную жену, с которой был вместе 32 года, или не мог? [Там же. С. 6]. Отрицательный ответ, по мнению исследователя, очевиден, что делает исследование сюжета о царе-старце предметом не политической, а социокультурной истории.

Одним из последних историков, обратившихся к этому вопросу, является Н.Н. Иванов. В статье «Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте» [30] он делает попытку вписать легенду о царе-старце и другие легенды об Александре I в типологический ряд фольклорных произведений. При этом исследователь совершил серьезное упущение, немотивированно, по нашему мнению, отказавшись рассмотреть легенду о царе-старце в контексте народных представлений XVIII–XIX вв., в частности «мифа о царе», предпочтя сравнение с другими сюжетами из фольклора. Это привело к тому, что сам автор не смог отнести легенду о царском происхождении Фёдора Кузьмича к какому-либо определенному типу: «Образ Александра Первого существенно мифологизирован и создан по законам текстов трех типов: легенда (романовская легенда и легенда о святом старце), семейное предание и агиография с чертами фольклора» [Там же. С. 199]. Далее Н.Н. Иванов отметил, что подобное размытие типовых и жанровых границ характерно для легенд этого периода, однако это также не проясняет положение легенды о царе-старце в типологическом ряду народных легенд XVIII–XIX вв.

Намного более подробное научное исследование этой легенды было предпринято со стороны филологов. Е.Б. Гайдукова рассмотрела историю этой легенды в литературе, подробно разобрав репрезентацию легенды о царе-старце русскими писателями Серебряного века и современными авторами [31]. Для исторической науки упоминание легенды о царе-старце в литературе, возможно, может представлять научный интерес в части отражения народной ментальности в авторских картинах мира, однако это уже выходит за рамки нашего исследования. Тем не менее все авторы сходятся в оценке легенды о царе-старце как уникального явления как в историческом, так и в литературном плане. Попытки вписать легенду о Фёдоре Кузьмиче в хронологический ряд известного народного «мифа о возвращающемся избавителе» XVIII–XIX вв. до сих пор не были осуществлены в силу специфики исследовательских работ по данной теме. Другой причиной может быть нежелание авторов проводить параллели этой легенды, по меткому наблюдению Гайдуковой, превратившейся в «национальный символ» [Там же. С. 7], с представлениями, порождавшими в XVII–XVIII вв. деятельность различных самозванцев.

Таким образом, анализ имеющихся научных работ по вопросу о статусе легенды о царе-старце позволил

выявить необходимость рассмотрения данных материалов в контексте народных представлений XVIII–XIX вв. о «возвращающемся избавителе». Помимо отсутствия основательных исследований данного вопроса, она обусловлена возможностью рассмотрения этой легенды в рамках перспективной «концепции ментальностей», применения новой методологии и ввода в научный оборот новых источников. Это позволит более детально описать особенности легенды о Фёдоре Кузьмиче и аргументированно поместить ее в ряд подобных исторических явлений.

Наша работа исходит из предположения, что дальнейшие исследования легенды о царе-старце должны рассматриваться в контексте типологически схожих сюжетов в народных представлениях XVIII–XIX вв. Наиболее близки к этому сюжету некоторые социально-утопические и религиозные легенды о «возвращающемся избавителе», что предполагает необходимость сравнительного анализа для выделения общих признаков.

Согласно нашей концепции, легенда о Фёдоре Кузьмиче является разновидностью легенд о «возвращающемся» избавителе. Она имеет многие сходные с данным видом легенд черты: героем является лишенный власти правитель либо непризнанный мессия, который скрывается в далекой глубинке и чудесным образом проявляет как святость, так и свою истинную личность. Тем не менее есть и существенный ряд отличий: герой данного вида легенд – не бунтарь и не старается вернуть себе власть или свергнуть существующего правителя. Он принимает свою новую жизнь и только помогает окружающим своими советами, даром пророчества и целительством. Такие фольклорные произведения обусловлены сложным комплексом народной ментальности. Здесь сочетается несколько социально-психологических проблем, потребность разрешения которых вылилась в сюжет о царе-старце. Например, желание людей получить справедливое облегчение жизни для себя «здесь и сейчас» может породить известный с древних времен сюжет о неузнанном Боге / герое / правителе, который появляется под видом простого человека в самых неожиданных местах. Часто это своего рода проверка, которую проходят не все. Те, кто ведет себя правильно и достойно, получают вознаграждение, а те, кто оскорбляет данного персонажа либо пытается ему навредить, бывают наказаны. Желание чувствовать свою причастность к «большой» жизни страны может усилить их уверенность в том, что эти отшельники и святые – не просто особенно угодные Богу подвижники, но еще и бывшие цари или важные вельможи. Возможно, сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича сформировался под влиянием легенд о «возвращающемся избавителе», но затем приобрел своеобразие, получив уникальное значение в системе народной ментальности. Следовательно, определение места сюжета о царе-старце в типологическом ряду легенд о «возвращающемся избавителе» поможет выявить дальнейшие перспективные направления исследований социально-утопических легенд и народных ментальностей XVIII–XIX вв.

Список источников

1. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текст. коммент. И.В. Пешкова. М. : Лабиринт, 1998. 512 с.
2. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 342 с.
3. Мыльников А.С. Легенда о русском принце (русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1987. 174 с.
4. Мыльников А.С. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы / Академия наук СССР. Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1991. 272 с.
5. Усенко О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57; № 2. С. 69–72.
6. Усенко О.Г. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. С. 70–93. (Мировосприятие и самосознание русского общества; вып. 2).
7. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. М. : Языки славянской культуры, 2004. Вып. 2. С. 290–353.
8. Усенко О. Г. Матушкины самозванцы // Родина. 2010. № 2. С. 113–116.
9. Андреев И.Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110–117.
10. Андреев И.Л. Испытание властью // Бремя власти. М. : Дрофа, 2008. С. 383–460.
11. Бухова Ю.А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия). Тюмень : ТИУ, 2016. 201 с.
12. Мельникова Е.А. Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 250–266.
13. Мауль В.Я. Социокультурное пространство русского бунта: (по материалам Пугачевского восстания) : автореферат дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Том. гос. ун-т, каф. отеч. истории. Томск, 2005. 42 с.
14. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / под ред. В.В. Керова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.
15. История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : Изд-во РГГУ, 1996. 255 с.
16. Кром М.М. Историческая антропология : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп., СПб. ; М. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге ; Квадрига, 2010. 214 с.
17. Steindorff L. Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge // Quellen und Studien zur Geschichte des ostlichen Europa B. 38. Stuttgart, 1994. 294 S.
18. Uspensky B.A., Zhivov V.M. Tsar and God: Semiotic Aspects of the Sacralization of the Monarch in Russia // Uspensky B.A., Zhivov V.M. “Tsar and God” and Other Essays in Russian Cultural Semiotics. Boston : Academic Studies Press, 2012. P. 1–112.
19. Захаров Е.З. Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год / предисл. изд. Е. Захарова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. Елисея и сына его Антона Захаровых, 1892. 54 с.
20. Хромов С.Ф. Краткое жизнеописание великого старца Феодора Кузьмича : из воспоминаний купца Семёна Феофановича Хромова / под ред. В.П. Бойко, Е.В. Ситникова; авт. предисл. В.П. Бойко. Томск : Изд-во Том. гос. архитектурно-строительного ун-та, 2015. 251 с.
21. Бушканец Л.Е. Проблема достоверности литературных мемуаров // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 147, кн. 2. С. 19–27.
22. Рапорт томского полицмейстера томскому губернатору о распространившихся в г. Томске слухах, что скончавшийся в 1864 году бродяга по имени Федор Кузьмич является императором Александром I // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3 Оп. 51. Д. 18. Л. 1–3.
23. Рапорт и.д. томского полицмейстера томскому губернатору о проведенном расследовании об источнике и содержании слухов, что скончавшийся в 1864 году бродяга по имени Федор Кузьмич является императором Александром I // ГАТО. Ф. 3. Оп. 51. Д. 18. Л. 7–9.
24. Копия протокола дознания, проведенного и.д. томского полицмейстера относительно личности Федора Кузьмича, проживавшего у купца С.Ф. Хромова. Самоназвание документа: Протокол // ГАТО. Ф. 3. Оп. 51. Д. 18. Л. 10–11.
25. Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск : бесплатное приложение к газете «Сибирская жизнь» за 1912 год. Томск : Изд. Сиб. т-ва печатного дела в Томске, 1912. С. 101–183.
26. Мамаев В. Легенда о царе Александре Благословенном и старце Фёдоре Кузьмиче. Ч. 2 // История Отечества. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/386/13.htm> (дата обращения: 20.10.2021).
27. Stone B. I Want to be Alone: Solitary Lives: salvation seekers, celebrity recluses, hermit poets and survivalists from the Buddha to Greta Garbo. Allen & Unwin, 2010.
28. Ломанина И.И. Грозные махакалы Востока. М. : Эксмо ; Яуза, 2004.
29. Привалихина С.В. Русская судьба немецкой принцессы: императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826). Тула : Лев Толстой, 2009. 340 с.
30. Иванов Н.Н. Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. С. 198–201.
31. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Феодоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI вв.: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 7–10.

References

1. Propp, V.Ya. (1998) *Morfologiya "volshebnoy" skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Morphology of the Fairy Tale. Historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.
2. Chistov, K.V. (1967) *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Mylnikov, A.S. (1987) *Legenda o russkom printse (russko-slavyanskije svyazi XVIII v. v mire narodnoy kul'tury)* [The Legend of the Russian Prince (Russian-Slavonic Relations of the 18th Century in the World of Folk Culture)]. Leningrad: Nauka.
4. Mylnikov, A.S. (1991) *Iskushenie chudom: "Russkiy prints", ego prototipy i dvoyniki-samozvantsy* [Temptation by a miracle: "The Russian prince", his prototypes and impostor doubles]. Leningrad: Nauka.
5. Usenko, O.G. (1995) Samozvanchestvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Russia: norm or pathology?]. *Rodina*. 1. pp. 53–57; 2. pp. 69–72.
6. Usenko, O.G. (1999) Ob otnoshenii narodnykh mass k tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu [On the Attitude of People to Tsar Alexei Mikhailovich]. In: Gorsky, A.A. (ed.) *Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii* [Tsar and Tsardom in the Russian Public Consciousness]. Moscow: RAS. pp. 70–93.
7. Usenko, O.G. (2004) Monarkhicheskoe samozvanchestvo v Rossii v 1762–1800 gg. (opyt sistemno-statisticheskogo analiza) [Monarchist imposture in Russia in 1762–1800 (the system-statistical analysis)]. In: Rychalovsky, E.E. (ed.) *Rossiya v XVIII stoletii* [Russia in the 18th century]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 290–353.
8. Usenko, O.G. (2010) Matushkin samozvantsy [Mother's impostors]. *Rodina*. 2. pp. 113–116.

9. Andreev, I.L. (1999) Anatomiya samozvanstva [Anatomy of imposture]. *Nauka i zhizn'*. 10. pp. 110–117.
10. Andreev, I.L. (2008) Iskushenie vlast'yu [Temptation by power]. In: Merezhevskiy, D. et al. *Bremya vlasti* [The Burden of Power]. Moscow: Drofa. pp. 383–460.
11. Obukhova, Yu.A. (2016) *Fenomen monarkhicheskikh samozvantsev v kontekste rossiyskoy istorii (po materialam XVIII stoletiya)* [The Phenomenon of Monarchist Impostors in the Context of Russian History (Based on the Materials of the 18th Century)]. Tyumen: TIU.
12. Melnikova, E.A. (2004) Eskhatologicheskie ozhidaniya rubezha XIX–XX vekov: kontsa sveta ne budet? [Eschatological expectations at the turn of the 20th centuries: will there be no end of the world?]. *Antropologicheskii forum*. 1. pp. 250–266.
13. Maul, V.Ya. (2005) *Sotsiokul'turnoe prostranstvo russkogo bunta: (po materialam Pugachevskogo vosstaniya)* [The sociocultural space of the Russian rebellion: (based on the materials of the Pugachev uprising)]. History Dr. Diss. Tomsk.
14. Dutchak, E.E. (2007) *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taizhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodie": adaptive capabilities of the taiga communities of Old Believers-wanderers (the second half of the 19th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Mikhina, E.M. (ed.) (1996) *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya: zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh* [History of mentalities, historical anthropology: foreign studies in reviews and abstracts]. Moscow: RSUH.
16. Krom, M.M. (2010) *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow: St. Petersburg European University; Kvadriga.
17. Steindorff, L. (1994) *Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge*. Stuttgart: Casemate Academic.
18. Uspensky, B.A. & Zhivov V.M. (2012) *"Tsar and God" and Other Essays in Russian Cultural Semiotics*. Boston: Academic Studies Press. pp. 1–112.
19. Zakharov, E.Z. (1892) *Skazanie o zhizni i podvigakh velikogo raba bozhiya startsa Feodora Kuz'micha, podvizavshegosya v predelakh Tomskoy gubernii s 1837 goda po 1864 god* [The legend of the life and deeds of the great servant of God, the elder Feodor Kuzmich, who labored within the limits of the Tomsk province from 1837 to 1864]. 2nd ed. St. Petersburg: Elisey and His Son Anton Zakharovych.
20. Khromov, S.F. (2015) *Kratkoe zhizneopisanie velikogo startsa Feodora Koz'micha : iz vospominaniy kuptsa Semena Feofanovicha Khromova* [Brief biography of the great old man Theodore Kozmich: from the memoirs of the merchant Semyon Feofanovich Khromov]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Bushkanets, L.E. (2015) Problema dostovernosti literaturnykh memuarov [The problem of reliability of literary memoirs]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 147(2). pp. 19–27.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). (1864a) *Raport tomskogo politsmeystera tomskomu gubernatoru o rasprostranivshikhsya v g. Tomske slukhakh, chto skonchavshiysya v 1864 godu brodyaga po imeni Fedor Kuz'mich yavlyayetsya imperatorom Aleksandrom I* [Report of the Chief of Police of Tomsk to the Governor of Tomsk about rumors spreading in Tomsk that a tramp named Fyodor Kuzmich, who died in 1864, is Emperor Alexander I]. Fund 3 List 51. File 18. pp. 1–3.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). (1864b) *Raport i.d. tomskogo politsmeystera tomskomu gubernatoru o provedennom rassledovanii ob istochnike i soderzhanii slukhov, chto skonchavshiysya v 1864 godu brodyaga po imeni Fedor Kuz'mich yavlyayetsya imperatorom Aleksandrom I* [Report of acting Tomsk police chief to the Tomsk governor on an investigation into the source and content of rumors that a vagabond named Fyodor Kuzmich, who died in 1864, is Emperor Alexander I]. Fund 3. List 51. File 18. pp. 7–9.
24. The State Archive of the Tomsk Region (n.d.). *Kopiya protokola doznaniya, provedennogo i.d. tomskogo politsmeystera otnositel'no lichnosti Fedora Kuz'micha, prozhivavshego u kuptsa S.F. Khromova. Samonazvanie dokumenta: Protokol* [A copy of the protocol of the inquiry conducted by acting Tomsk police chief regarding the personality of Fyodor Kuzmich, who lived with the merchant S.F. Khromov. Self-title of the document: Protocol]. Fund 3. List 51. File 18. pp. 10–11.
25. Adrianov, A.V. (1912) *Tomskaya starina* [Tomsk Old Times]. In: *Gorod Tomsk: besplatnoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn'" za 1912 god* [City of Tomsk: free supplement to the newspaper "Sibirskaya zhizn'" for 1912]. Tomsk: Sib. t-vo pechatnogo dela v Tomske. pp. 101–183.
26. Mamaev, V. (n.d.) *Legenda o tsare Aleksandre Blagoslovennom i startse Fedore Kuz'miche. Ch. 2* [The legend of Tsar Alexander the Blessed and the elder Fyodor Kuzmich. Part 2]. [Online] Available from: <http://www.rusvera.mrezha.ru/386/13.htm> (Accessed: 20th October 2021).
27. Stone, B. (2010) *I Want to be Alone: Solitary Lives: salvation seekers, celebrity recluses, hermit poets and survivalists from the Buddha to Greta Garbo*. Allen & Unwin.
28. Lomakina, I.I. (2004) *Groznye makhakaly Vostoka* [Terrible Mahakals of the East]. Moscow: Eksmo; Yauza.
29. Privalikhina, S.V. (2009) *Russkaya sud'ba nemetskoy printsessy: imperatritsa Elizaveta Alekseevna (1779–1826)* [Russian fate of a German princess: Empress Elizaveta Alekseevna (1779–1826)]. Tula: Lev Tolstoy.
30. Ivanov, N.N. (2012) Tipologiya fol'klornykh tekstov ob imperatore Aleksandre I i Napoleone Bonaparte [Typology of folklore texts about Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*. 3. pp. 198–201.
31. Gaydukova, E.B. (2008) Tsikl legend o Feodore Kuz'miche na rubezhe XX–XXI vv.: problema demifologizatsii syuzheta [A cycle of legends about Feodor Kuzmich at the turn of the 21st century: the problem of plot demythologization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University of Journal*. 308. pp. 7–10.

Сведения об авторе:

Путин Михаил Сергеевич – аспирант кафедры российской истории факультета политических и исторических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Putilin Mikhail S. – Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Political and Historical Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 04.02.2022; accepted for publication 06.05.2022